

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (САВОСИН)

СЕДЕ АДАМ ПРЯМО РАЯ...

...И узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания. И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая. И воззвал Господь Бог к Адаму...

Быт. 3, 7—9

Слепой... начал кричать и говорить: Иисусе, Сыне Давидов! помилуй мя. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сыне Давидов! помилуй мя. Иисус остановился и велел его позвать...

Мк. 10, 46—49

Авва Макарий... говорил о себе: когда я был отроком, вместе с детьми я пас коров. Сверстники мои пошли воровать смоквы и, когда бежали назад, уронили одну. Я поднял ее и съел. Ныне, когда вспоминаю об этом, сажусь и плачу.

Алфавитный патерик. Макарий, 36

Когда на вёрхи тёмных сосен
Взбегает ветер сизокрылый,
И сыпкий дождь ковбылье косит
Своею свежестью унылой,

Твой тихий шаг, как тёплый облак,
Росою облекает камень,
Где сад, как верный славы облик,
Твоими насаждён руками.

Но в толще скрыт теперь прекрасный,
Как бег прожилок многоцветный,
Святых произрастений рясны
Вплетая в каменные ветви.

Твой вечный храм, укрытый тиной, —
В разбросанных костях бурьяна,
Где крылья песен птиц пустынных
Свои протягивают раны,

Где ветер страшною свирелью
Свивает стон в пустых глазницах, —
К его стенам, как к давней цели,
Глядят невидящие лица.

К Тебе, сгнивая в тёмной почве,
Росток восходит слабосильный,
К Твоим водам стремленье точит,
Срываясь, лань с высот стремнины.

Тебя на гноище взыскаю,
Плодов насытившийся славных
Следы шагов Твоих целует,
Где Жизнь его, в пыли и камне.

Твой глас далёкий тонкой нитью
По дням скитальческим струится,
Как свет свечи во тьме, обвитый
Вокруг предметов вереницы...

Где, Свете мой, Твой облик кроткий,
Где мир и тишь слов неслышных,
Где чистый свет и без порока
Нетленной ликованье пища?..

Где сад звучал волною чистой —
Там дёбрь нестройная взрасталась,
В смятённом увяданьи листьев
Последние взметая силы.

Там кровью слёз на тропах тайных
Исчерчен путь, во след текущий:
«Смердящих ран прими дыханье,
Благий, Непостижимый, Суций!»

Где жизнь была и дух тончайший,
Теперь привален камень тяжкий,
И образов нечистых чашей
Иссечен свет, как глас, протяжный.

Но в холод тьмы склоняясь могильной,
Где мёртвых дел гноятся трупы,
Восставь меня, Единый Сильный,
Страданьем осязая струпы...

Ни шум листвы, ни птиц журчанье
Не восколеблют там беззвучья,
Лишь только зверь пройдёт случайный,
Иссохшие ломая сучья.

Здесь плачет воздух. Соль струится,
Как отблеск в глубине колодца,
По обращённым к свету лицам,
Где вышний Твой источник бьётся.

Всё умерло. И в мёртвой тиши,
В недвижной духоте глубинной,
Ты слёзы глаз слепых услыши,
Как кротость песни голубиной.

Здесь день, как век. И в недрах этих —
Проходит путь в местах унылых.
Здесь огонь не греет, свет не светит,
Здесь Жизнь Живущая застыла.

Но ускользя постоянно
 Сквозь дней холодных протяженье,
 Он вместе вслед влечёт неявно, —
 Твой свет, путей слепых движенье.

И зябких стран мертвящий воздух,
 Как обоняние морское,
 Птиц лёгких воздвигая гроздь,
 Приносит к дальнему покою.

Так виноградарь изгнетеньем
 Пролитых солнц в земные жилы
 Из тленной извлекает сени
 Плода сияющую силу.

Так нищий тщится по дорогам,
 В пересеченьях торных сúdeб,
 В монетке, брошенной под ноги,
 Обрести печать того, что́ будет, —

Где мир и свет неомрачимый,
 Где, новым небом простираясь,
 Приемлет сердце в камне Имя,
 Где жизнь уже не умирает...

Здесь — труд... Руками внёмля почве,
 Как струнам гуслей среброзвучных,
 Он ищет Лик, как дольний почерк
 Луча, сквозящего чрез тучи.

Не чёрт телесных сопряженье,
 Но тонкой теплоты дыханье...
 Пред ним изнемогают тени,
 В нём Жизнь приемлет очертанья —

Как сладкий ключ в пространстве сердца,
 Облекшись в ризы слов молитвы,
 Сквозь смертный мрак, как лёд просевший,
 Теченье пресекает битвы...

Незрячих глаз сокрытым взором
 На пыль и камни натываясь,
 Среди безвременья и сора,
 Он к этой тайне востекает.

Но ускользает дней Желанье
 И жажды умножает ясность —
 Так над иссохших древ узлами
 Трепещет воздуха ненастность.

Где, Спасе, путь Твой сокровенный,
 И День Твой источает радость?
 Где Ты живёшь, Святой и Верный,
 Какой тропой пройдёшь у града?

Сижу на стогах, слыша струны
 Звонящих голосов и стуков...
 Что значит... звук?! Но хмарь безлунно
 Протянутую возьмет руку.

Здесь — плач... Ищи теперь криницы,
 Плодом насытившись желанным
 И словно сумрачною птицей
 Страдания объят крылами.

И пеной утоляясь ранной,
 Отравленный, затиснув зубы,
 Ищи покой, тобой погранный,
 Зови Того, Кто вечно любит.

...Я в руки взять пытался пламень,
 Не оградившись крыльев взмахом,
 И вот — повержен, слеп очами,
 И в камне погребён средь праха...

Огромной слепоты зиянье,
 Как море, колыбель прибоя,
 Непроницаемая тайна,
 Повязь врачебного покоя...

Вместилась протяжённость века,
 Под плащ дождя и в вѣтров оды,
 И мутных слов и мыслей реки
 Над головой моей проходят...

Здесь сотни ног взметаюи звуки,
 Здесь пыль парит, вспорхнувши в пальцах,
 И вспять протянутые руки
 Теснящих толп, — там свет Твой, Спасе...

И приношу, как глас растений:
 Ты даждь костям Твоѳ дыханье
 Сквозь яд смоковых упоений,
 И камень претвори в рыданье.

И смертных уз приревши тени,
 Услыши глас пролитой крови,
 Сквозь письма в борьбе сплетений
 Написанную ею повесть.

... Чрез смерть проторгся пламень тайный,
 Лишь образ истинного мира,
 Сокрытый в тесноте и камне, —
 Так в древнем алавастре — миро...

Соткав разрозненные нити,
 Приносит сад плодов начаток,
 И близ — и чуждый... Слёз хранитель —
 И тяжким камнем запечатан...

И обладаемь — непостижный...
 И недвижимь — неуловимый...
 Прекрасный — в тайне жалких хижин...
 И прост, и ясен — и незримый...

Плодов его постичь желая,
 Как соглядатаи земные, —
 Твой в толпах шаг, но им скрываем, —
 Ждѳ человек, пока есть «ныне»...

Там кровь гниющая, и слѳзы,
 И пот, сквозь пыль и жар кипящий,
 Там голос птицѳ бѳется оземь —
 Уходит Жизнь, как луч скользящий...

Там троп страдальных призыванье
 Влечѳ к себе слепых, ничтожных, —
 Свои в нём исцеляют раны,
 В теснотах совлекаясь кожи.

И плач отъемлет плач древнейший,
 В врачебной грязи поруганий
 Твоѳ Дыхание принесши,
 Как ликованье всех дыханий.

И внове созидаи вещи
 Неомрачимо-тихим ладом,
 Ты горьких вод уклад извечный
 Страданьем претворяешь в сладость.

Как изменил меня... внезапно
 И исцелил... непостижимо?...
 Как упоён, молчаньем запят,
 Поѳт Твоѳ воскресший Имя...

И слов границы полагая,
 Как взмах ресниц очей раскрытых,
 Где робко первыми шагами
 Прозревший входит в мир разлитый,

Ты Лица свет уже не прячешь,
 Незримый, Чистый и Нетленный,
 Учитель и Хранитель плача,
 Как новой песни драгоценной.

Август—ноябрь 2006